DOI 10.15826/izv2.2016.1.002
УДК 821.161.1 Терехов-311.4 + 316.472.3 +
+ 316.344.42

Б. А. Ханов
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Россия

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКОГО ДИСКУРСА В РОМАНЕ А. ТЕРЕХОВА «КАМЕННЫЙ МОСТ»

Статья посвящена анализу советского дискурса в романе А. Терехова «Каменный мост» (2009). В работе применяется комплексный метод исследования, соединяющий в себе дискурсивный, культурно-исторический, структурно-семантический и концептуальный методы анализа. Из-за недостатка научной литературы по роману мы обращаемся к критическим рецензиям Д. Быкова, В. Топорова, А. Степанова и Д. Харитонова.

Советский дискурс в произведении рассматривается через его соотношение с имперским дискурсом, получившим в тексте три формы репрезентации: партийная элита, Сталин, дети элиты. В романе выделяются два временных пласта: сталинская эпоха и современность. Расследование убийства на Большом Каменном мосту 3 июня 1943 г. придает тексту детективную интригу.

Сталинская эпоха отчетливо выражает ощущение безграничной мощи, тогда как современная эпоха лишается этой мощи и пытается обрести ее всеми силами. Интерес героев романа к прошлому объясняется идейной бессодержательностью их жизни, а также травматическими переживаниями, которые вызываются распадом советской империи. В результате мы приходим к выводу, что стремление приобщиться к имперскому могуществу подменяется игрой в имперскость, симуляцией Абсолютной Силы.

Ключевые слова: Александр Терехов; советский дискурс; имперское; сталинский миф; концепт; травма; эротический дискурс.

Роман А. Терехова «Каменный мост» (2009) — одно из самых заметных явлений в русской прозе нулевых годов XXI в. Произведение получило высокие оценки критиков и было удостоено второй премии «Большой книги»[1]. Д. Быков заявил, что «перед нами концептуальное высказывание, и критику наконец доступна полузабытая радость от трактовки неоднозначного, глубокого, масштабно задуманного текста» [Быков]. По словам В. Топорова, «это, безусловно, самое значительное событие в художественной прозе заканчивающегося десятилетия» [Топоров]. Д. Харитонов высказал предположение, что «явлений, подобных “Каменному мосту” <...> новейшая русская литература знает немного» [Харитонов], а А. Степанов отметил эстетические достоинства текста: «Терехов сейчас — едва

[1] Несмотря на широкий интерес критики, роман только начинает становиться объектом литературоведческой рецепции. Например, ему уделяется определенное внимание в статье М. Литовской «“Прошлое плюс будущее минус настоящее”: имперская идея в российском романе 2000-х годов», где произведение А. Терехова рассматривается в общелитературном контексте [Литовская].

© Ханов Б. А., 2016

ли не единственный писатель, всерьез озабоченный делом обновления языка прозы, “воскрешением слова”, и уже за это ему следовало бы вручить все существующие премии» [Степанов].

В центре романа находится феномен имперского сознания. Советский Союз в тексте определяется как империя или даже Империя, а Сталин называется императором. Сюжет развивается в двух временных плоскостях: в сталинскую эпоху и в постсоветской современности. Главный герой, Александр Васильевич, бывший сотрудник ФСБ, расследует убийство, случившееся 3 июня 1943 г. на Большом Каменном мосту.

В книге вычленяются три формы репрезентации советского дискурса, каждая из которых так или иначе связана с государственным аппаратом, главным транслятором имперского сознания. Первый вариант советского дискурса предлагает партийная элита, второй — сам Сталин как вершина иерархии, третий — дети элиты.

Среди партийной элиты наибольший авторский интерес вызывают лица, составляющие дипломатический корпус. Нерядовыми персонажами романа становятся нарком внешней торговли Микоян, а также Литвинов и Уманский, в разные годы служившие послами в США.

Пристальное внимание к дипломатии объясняется на сюжетном и концептуальном уровнях. По сюжету Александр Васильевич и его сотрудники расследуют убийство Нины, дочери Уманского, и одним из приоритетных направлений в поиске оказывается линия Константина Уманского и его служебных связей. На концептуальном уровне дипломатическая линия выполняет функцию саморепрезентации советского дискурса. Обращение к дипломатической миссии позволяет писателю обратиться к способам позиционирования СССР в мировом сообществе.

На первый взгляд, Советский Союз не только предъявляет миру территориальные амбиции и непоколебимую уверенность в своем превосходстве, но и позиционирует себя как бесперебойная машина. Эта механистичность наиболее последовательно воплощают советские послы в США. Индивидуальные особенности сменяющих друг друга Литвинова, Уманского и Громыко нивелируются, когда дело касается служебных вопросов: никто из троих не выказывает готовности идти на политические компромиссы.

Западные деятели предлагают два объяснения советской механистичности. Во-первых, советское расценивается как варварское. Во-вторых, актуализируется мифологема загадочной русской души. Русское при этом отождествляется с советским, что соответствует намеченной в годы Великой Отечественной войны идеологической линии [см.: Бреева, с. 17–18].

Когда западные деятели приравнивают советское к варварскому, чувство собственного интеллектуального превосходства смешивается в них с робостью перед Советским Союзом. Запад не стесняется в оценках советских политиков: «Император — “противоестественный человек”, Литвинов — “упрямый в силу еврейского происхождения”, “кажется, вообще лишен совести”, Молотов — “просто

тупица” и “робот”, Уманский — “ходячее оскорбление”, в Кремле заседает “главная банда”» [Терехов, с. 227][2]. Вместе с тем отношение к этой «банде» складывается как минимум уважительное: «Ловкий на язык Рузвельт убедил своих: с существованием русских следует смириться; с пьяными, безумными, узколобыми, земляными... поджигающими леса» (с. 226).

Неумение найти мотивировки действиям СССР вынуждает Запад оживить миф о загадочной русской душе. А. Терехов своеобразно обыгрывает эту мифологему. Черчилль называет русскую жизнь «тайной, покрытой мраком» (с. 29). Де Голль «не понял, что император имел в виду» (Там же). Смешение двух мифологем, варварства и загадочной русской души, доказывает, что автоматизм, присущий советскому дискурсу, имеет две мотивировки и не является самоцелью. Машинность оказывается основным признаком имперской мощи, «Абсолютной Силы», как она названа в романе (с. 197). Стремление к Абсолютной Силе порождается имперским сознанием и подчиняет своим законам каждого, включая тех, кто ее представляет, едва ли не с шопенгауэровской предопределенностью. Каждый участник советской системы — это не винтик в устрашающем механизме, а носитель сверхъестественной мощи. В отличие от машинного существования, жизнь советских партийцев, приносящих себя в жертву, сознательна и наполнена определенным смыслом, выпадение из которого «было большим, чем смерть, — космической пылью, Абсолютным Небытием, а про *Абсолютное* империя дала им четкое представление» (с. 203).

Вторую форму репрезентации советского дискурса представляет, как сообщалось выше, венчающий иерархию Сталин. Выстраивая его образ, А. Терехов предельно удаляется от романтических крайностей — демонизации и идеализации. В большинстве сцен «император» предстает перед читателем как частное лицо, добросовестно выполняющее возложенные на него обязанности: подписывает документы, разбирает телеграммы, наставляет «соколов». Сталин занимается легитимацией существующих порядков. При одном из последних упоминаний о нем Сталин сравнивается с Александром I. Это отсылает нас к «Войне и миру», где российский правитель также не вмешивается в исторический процесс, а лишь следует за ним.

Так, император подыгрывает представлениям иностранцев о загадочной русской душе. Советский правитель «заметил этот мозговой изъян, но не торопился включать освещение, этим, в конце концов, можно пользоваться, и, разговаривая с русскими, Рузвельт продолжал блуждать среди пугал, чучел и теней» (с. 228).

Кроме легитимирующей функции Сталин имеет в романе и другую — функцию «заведующего вечной памятью» (с. 604). В этой своей ипостаси император всеведущ, в его обязанности входит знать все о своих подчиненных, «включая детские прозвища и любимые песни» (с. 256). Будучи человеком письма (в противоположность человеку устной речи — Гитлеру), Сталин запрещает записывать за собой, и потому никто из элиты не ведет дневников и не оставляет

[2] Далее все ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц в круглых скобках.

подлинных мемуаров. Истинная история оказывается запрятана в архивах со строго ограниченным доступом. Сталин выступает своего рода почетным руководителем Комитета Правды.

Интересующее А. Терехова разрушение феномена силы в романе происходит за счет обыгрывания мифологемы золотого века, символизирующей сталинскую эпоху. Эта мифологема раскрывается через изображение повседневной жизни элиты. Ее атрибутами выступают многокомнатные квартиры, пожалованные дачи, трофейные иномарки, элегантные шубы, алмазные украшения.

Автор имплицитно проводит параллели с древнеримской элитой — в первую очередь, не с патрициями, а с нобилями, выходцами из плебейских семей. Для советских деятелей аналогом вилл оказываются дачи, театр и Колизей замещаются эксклюзивными показами трофейных американских и европейских кинолент, в том числе по истории Древнего Рима. Связь между советской и римской элитами поддерживается Сталиным. В книге дважды сообщается о хлебных раздачах. Он задумывает возродить практиковавшиеся во времена Республики и во времена Империи *leges frumentaria*е в сороковые годы, императорским жестом отметив победоносную поступь Советского Союза по планете.

Таким образом, советская элита воплощает как триумф имперских идеалов, так и неминуемое их угасание. Возникает ситуация последних времен: «Времена кончались, мечты царей исполнены, проливы наши — дел не осталось, русские на вершине; куда ни повернись — только вниз, осталось вымирать...» (с. 466). Тенденция к вымиранию не укрывается от внимания Сталина. Размышляя о профанации элитой имперских интенций, он отмечает, как в партийцах иссякла энергия, как «в железных словно кончился завод» (с. 530), однако «завести» своих подчиненных вновь он не умеет. Это выдает в нем озадаченную личность, а никак не всемогущего императора, держащего империю в кулаке.

Доказательством вырождения элиты предстает дипломатическая миссия в США. Литвинов, Уманский и Громыко одинаково придерживаются твердых служебных принципов, но Литвинов обозначается как «фигура», а Громыко — как «пешка» (с. 599). Добившиеся мирового признания отцы, современники золотого века, передают детям во многом законченную цивилизацию, лишая их стимулов к развитию.

Реакцией на кризисное состояние становится деятельность детей элиты, репрезентирующих третий вариант советского дискурса в романе. Их не устраивает роль золотой молодежи с гарантированно сытным будущим. Младшее поколение не способно расстаться с амбициями своих родителей. Увлеченные кремлевской пропагандой, дети не готовы наследовать роскошь без величия и пышность без амбиций.

Не согласные со своей участью дети из шестых-восьмых классов создают тайную организацию «Четвертая империя» со своим кодексом, руководящим советом, знаками отличия и, разумеется, четкими имперскими целями. Повествователь находит ряд причин создания группы. Трофейные фильмы по древнеримской истории и общая атмосфера секретности в высших партийных

кругах вдохновляют младшее поколение на заговоры. Дети краскомов ведут смелые дневники и пишут письма без оглядки на цензуру, тем самым сознательно противопоставляя себя безмолвным отцам. Кроме того, в руки лидеров группы — Володи Шахурина и Вано Микояна — попадают нацистские труды, «Майн Кампф» и «Гитлер говорит» Раушнинга, в те годы с неподдельным интересом читавшиеся всей партийной элитой, включая Сталина. Нацистские звания и символы, положенные в основу «Четвертой империи», объясняются также и восторгом перед внешним видом фашистских солдат, очарованием «“рыцарской” фашистской мощью» (с. 468).

Роль лидера и идеолога в тайной организации берет на себя Володя Шахурин, чью гибель, вызванную событиями 3 июня 1943 г. на Большом Каменном мосту, расследуют Александр Васильевич и его сотрудники. Информация о Володе добывается из разных источников. Реконструируя его образ, повествователь сталкивается с нестыковками: некоторые видят Шахурина уравновешенным и рассудительным, некоторые — нездоровым и избалованным. Будучи несдержанным, мальчик однажды бьет девочку, в то же время он достаточно устойчив, чтобы вынашивать долгосрочные планы — захватить власть, сделаться диктатором, использовать немецкую армию для завоевания других государств. Из разрозненных воспоминаний о Шахурине складывается образ лидера гитлеровского толка: одержимого идеей мирового господства, самолюбивого, решительного и мечтательного одновременно.

Тайная организация — это не обычный протест детей против отцов, а отрефлектированное бунтарями стремление сохранить динамическую систему, наводящую ужас на остальные государства. Младшее поколение реабилитирует профанированные имперские устремления, демонстрируя свою приверженность Абсолютной Силе. Четвертая империя — это одновременно Четвертый Рейх и Четвертый Рим, попытка спасти исчезающее величие. Микровзрыв оживляет систему, которой грозит статичность, застоялость.

Реконструкция и концептуализация советского дискурса происходит в современности. Несмотря на различия между тремя моделями советского дискурса, представленными элитой, ее детьми и Сталиным, современность в романе противопоставляется всем трем. Настоящее, показанное глазами повествователя Александра, предстает блеклым и лишенным крупных идей, скрепляющих общество, будь то идея имперскости или какая-либо другая. В тексте периодически, но методично возникают мысли об Украине, символизирующей утраченную целостность. Усугубляет картину разгул бандитизма. Настоящее можно охарактеризовать как абсолютизацию бессознательного стремления к ушедшей Силе. Узловыми компонентами стремления становятся навязчивая мечта о бессмертии и образ жажды, возникающий на протяжении всего текста.

Бессмертие связывается с «великими делами», т. е. с метанарративами — с религией, имперскостью, коммунизмом, со служением родине. Характерные для современности смысловая опустошенность, диктат мелочей несовместимы с бессмертием и заставляют жаждать его с большей интенсивностью.

Жажда героев усиливается в кризисные моменты их существования. Одна из глав носит название «Жажда». Ощущение жажды пробуждает и страх смерти, и тоску по подлинным чувствам, очищенным от сентиментальности и пошлости. Главный герой, Александр, говорит о жажде «СО — сильнодействующих отвлекателей» (с. 51). На начало повествования ему тридцать восемь, он разведен и имеет двоих детей. Свободное от расследования время Александр заполняет коллекционированием солдатиков, обсуждением заурядных футбольных матчей, бесцельным блужданием по Интернету.

Жажда мотивирует героев с настойчивостью обращаться к прошлому. Исторические реконструкции Александра — попытка создания нарратива, построения линейной истории. Престарелые дети советских чиновников и фигуры из их окружения, у которых современные сыщики берут интервью, выступают не как собственно личности, а как знаки, заполняющие лакуны в историческом нарративе.

Метафорой насильственного вторжения в прошлое выступает обилие постельных сцен. По-своему их назначение истолковывает В. Топоров: «В прошлое приходится всякий раз лазать, как в погреб. В прошлое приходится пробираться. Прошлое приходится пенетрировать. <...> Прошлое приходится — ведь оно не поддается — насиловать!» [Топоров].

Одна из линий расследования ведет к Анастасии Петровой, секретарше Литвинова. Образ Петровой, *femme fatale*, из-за редких и противоречивых свидетельств о ней (не сохранилось даже ее фотографии) овеян таинственным ореолом и романтизирован. Напротив, многочисленные похождения главного героя романтики лишены: предельно детализированные, они сведены к отталкивающим физиологическим подробностям. Конспирологический нарратив, связанный с детективным расследованием, срастается с нарративом мелодраматическим, основанным на гипертрофированных чувственных переживаниях.

Этот мелодраматизм сближает советское и постсоветское. В книге вырисовываются три любовных треугольника, два — из прошлого, один — из настоящего: Константин Уманский — Литвинов — Петрова, Володя Шахурин — Нина Уманская — Вано Микоян, Александр — Алена — секретарша Ольга. Для всех треугольников характерны непроясненность отношений и отсутствие созидательного потенциала. На каждого участника триады такие отношения оказывают губительное воздействие, заставляя в лучшем случае замкнуться в себе. Во всех треугольниках особое место отводится женщинам, претендующим на роль роковых, — Петровой, Нине и Алене. С развитием сюжета разрушаются представления о них: шарм и обаяние Петровой оказываются преувеличенными, Нина делается случайной жертвой охваченных амбициями мальчиков, а Алена терпит многократные унижения от Александра. Жажда остается неудовлетворенной. В случае с треугольниками гиперактивного Александра и ведущего страстный дневник Шахурина эта неудовлетворенность приумножается за счет неспособности достичь могущества, Абсолютной Силы, которой обладает дипломатический корпус в лице Литвинова и Уманского. Разрушение имперских иллюзий происходит дважды: сначала по приказу Сталина расформировывается

«Четвертая империя», затем в тупик заходят постсоветские попытки реконструировать имперское прошлое.

Жажда подлинного величия оборачивается у мальчиков и у современных сыщиков игрой в имперскость, ее фетишизацией. Примечательна страсть Александра к коллекционированию солдатиков — буденновцев, матросов Октября, красных казаков, финских лыжников, полковых музыкантов и других экземпляров. Дети партийной элиты тоже играют — с обстоятельностью, с подчеркнутой серьезностью. Главное отличие между детективами и «Четвертой империей» заключается в том, что Шахурин с сотоварищами устремляют взор в будущее, тогда как для Александра и его окружения будущего не существует.

Доказательством того, что стремление к имперскости — это всего-навсего игра, служит одна из финальных сцен: «На соседней лавке серьезный мальчик расставлял свои пластмассовые армии звероподобных монстров, полуящеров с зазубренными мечами и лучевыми пушками, человеков-пауков, расправлял клешни роботам, утыканным пулеметными стволами, нашептывая под нос боевые задачи» (с. 826). Новое поколение, на свой лад боевитое и серьезное, сменяет скорбящих по потере Советского Союза. При этом сохраняется сам принцип игрового отношения к действительности.

Таким образом, обращение к прошлому в романе, с одной стороны, способно длительное время оказывать терапевтическое воздействие, с другой, заслоняет собой текущую повседневность. Конечный распад конторы, ведущей расследование, означает бесплодность любых реконструкций. Их миражная природа, привлекательная до определенной поры, поневоле приводит к осознанию невозможности установить конечную истину и изжить постимперскую травму.

Бреева Т. Н. Идеологическое и национальное в русской литературе 1940–1950-х годов // Вестн. ТГГПУ. 2009. № 16. С. 17–25.

Быков Д. Л. Книга номера № 3 2009 [Электронный ресурс] // Что читать. URL: http://chch-magazine.livejournal.com/6551.html (дата обращения: 07.10.2015).

Литовская М. А. «Прошлое плюс будущее минус настоящее»: имперская идея в российском романе 2000-х годов // Урал. филол. вестн. Сер. : Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2012. № 1. С. 135–147.

Степанов А. Д. Вид на Кремль с исторического моста [Электронный ресурс] // Прочтение. URL: http://prochtenie.ru/reviews/24350 (дата обращения: 07.10.2015).

Терехов А. М. Каменный мост : роман. М. : АСТ : Астрель, 2009.

Топоров В. Л. Гибель хора [Электронный ресурс] // Частный корреспондент. URL: http://www.chaskor.ru/article/gibel_hora_6725 (дата обращения: 07.10.2015).

Харитонов Д. В. Я остаюсь дни мчатся прочь [Электронный ресурс] // Октябрь. 2010. № 8. URL: http://magazines.russ.ru/october/2010/8/ha12.html (дата обращения: 07.10.2015).

Статья поступила в редакцию 07.10.2015 г.

Ханов Булат Альфредович
аспирант кафедры русской
и зарубежной литературы
Казанский (Приволжский)
федеральный университет
420000, Казань, ул. Кремлевская, 18
E-mail: sixxam@mail.ru

Khanov, Bulat Alfredovich
Postgraduate student,
Chair of Russian and Foreign Literature
Kazan (Volga Region) Federal University
18, Kremlyovskaya Str., 420000 Kazan,
Russia
E-mail: sixxam@mail.ru

THE CONCEPTUALIZATION OF THE SOVIET DISCOURSE IN A. TEREKHOV'S *THE STONE BRIDGE*

This paper analyzes the Soviet discourse in A. Terekhov's novel *The Stone Bridge* (2009). The author employs a complex method of research, using the cultural and historical, structural-semantic, conceptual, and discourse kinds of analysis. Given the lack of research on the novel, the author refers to D. Bykov's, V. Toporov's, A. Stepanov's, and D. Kharitonov's critical reviews.

The Soviet discourse is considered through its correlation with the imperial discourse. The latter gets three forms of representation in the text: the party elite, Stalin, and the elite's children. One can identify two temporal planes in the novel: the Stalin era and the present. Owing to the investigation of the murder on Bolshoy Kamenny Bridge (Greater Stone Bridge) committed on June 3, 1943, the novel gets a tone of detective suspense.

The Stalin era distinctly expresses the feeling of boundless power, whereas modern society loses this power and tries its best to find it. The characters' of the novel interest in the past is explained by an ideological triviality of their lives as well as traumatic experiences that were caused by a collapse of the Soviet empire. The author concludes that the aspiration to share imperial power gives way to the fetishizing of the imperial idea and the simulation of Absolute Power.

K e y w o r d s: Alexander Terekhov; Soviet discourse; the imperial; Stalin myth; concept; trauma; erotic discourse.

Breeva, T. N. (2009). Ideologicheskoe i natsional'noe v russkoi literature 1940–1950-kh godov [The Ideological and the National in the Russian Literature of the 1940s–1950s]. *Vestnik TGGPU, 16*, 17–25. (In Russian)

Bykov, D. L. (2009). Kniga nomera №3 2009 [The Book of Issue № 3 2009]. *Chto delat* [What Is to Be Done]. Retrieved from http://chch-magazine.livejournal.com/6551.html. (In Russian)

Kharitonov, D. V. (2010). Ya ostayus dni mchatsia proch [I Remain Days Rush away]. *Oktiabr, 8*. Retrieved from http://magazines.russ.ru/october/2010/8/ha12.html. (In Russian)

Litovskaya, M. A. (2012). «Proshloe plius budushchee minus nastoiashchee»: imperskaia ideia v rossiiskom romane 2000-kh godov ["Past Plus Future Minus Present": The Imperial Idea in the Russian Novel of the 2000s]. *Uralskii filologicheskii vestnik. Serija: Russkaia literatura XX–XXI vekov: napravlenija i techenija, 1*, 135–147. (In Russian)

Stepanov, A. D. (2009). Vid na Kreml s istoricheskogo mosta [A View of the Kremlin from the Historical Bridge]. *Prochtenie* [Perusal]. Retrieved from http://prochtenie.ru/reviews/24350. (In Russian)

Terekhov, A. M. (2009). *Kamennyi most* [The Bridge Stone]. Moscow: AST: Astrel. (In Russian)

Toporov, V. L. (2009). Gibel' khora [The Death of Chorus]. *Chastnyi correspondent*. Retrieved from http://www.chaskor.ru/article/gibel_hora_6725. (In Russian)

Received 7 October 2015